

И.И. Калиганов
(Институт славяноведения РАН, Москва,
Государственная академия славянской культуры, Москва)

Сквозь прорезь оружейных прицелов: болгары против русских в Добрудже в 1916 г.

Abstract:

Kaliganov I.I. *Through a cut of weapon sights: Bulgarians against Russians in Dobrudja 1916.*

The article considers the circumstances of the armed conflict between the Bulgarians and the Russians during the First world war. It is based on archival and literary materials, which were concealed until recently because of ideological "shame" for the myth which was supported in totalitarian Bulgaria and recounted that the grateful Bulgarians have never made armed attack against their Russian liberators after the liberation from the Turks in 1877-1878. The author comes to the conclusion that the Bulgarians and the Russians in the evaluation of the collision had their own truth, which is not always coinciding with the historical reality.

Ключевые слова: болгары, русские, вооруженное столкновение, эмоции, свои собственные правды.

Долгие годы в тоталитарной Болгарии поддерживался миф о том, что после освобождения от турок благодарные болгары никогда не поднимали оружие против своих русских братьев-освободителей. При этом подчеркивалось, что во время Второй мировой войны население страны встречало советских воинов цветами, а болгарская армия не сделала ни одного выстрела по красноармейцам. Последнее утверждение верно: оно подкрепляется историческими документами и свидетельствами очевидцев событий. Не так обстоит дело, однако, с утверждением первым. В действительности, в истории болгарско-русских отношений конца XIX – середины XX вв. вооруженное столкновение между двумя сторонами всё-таки произошло. Оно имело место в Первую мировую войну, когда болгары и русские воевали друг против друга осенью 1916 г. в Добрудже. Причем, сражались болгары с русскими очень ожесточенно, и этому, на первый взгляд, невероятному, факту можно отыскать свое объяснение. Болгары вступили в войну, преследуя, по их мнению, праведные цели: восстановление тех болгарских границ, которые были очерчены Сан-Стефанским договором 3 марта 1878 г. и охватывали все населенные их соплеменниками земли на Балканах. Но эти, предлагавшиеся Россией, границы через несколько месяцев были урезаны в Берлине под давлением западных держав. В дальнейшем Болгария пыталась восстановить справедливость и несколько раз воевала со своими балканскими

соседями, одерживала над ними временные победы, но в конечном итоге терпела поражение.

Прежде, чем приступить к рассказу о вооружённом столкновении болгар и русских в 1916 г., следует очертить предшествовавшую историческую прелюдию и исторический фон, на котором оно произошло. Для болгар, как уже говорилось, данная война была праведной: она представлялась им очередной попыткой восстановить справедливые границы Сан-Стефанского договора, очерчивавшие внешние контуры расселения родного этноса на Балканах. Но при этом, выбирая союзников, Болгария должна была взвесить все за и против. При присоединении к Центральным державам в случае успеха она могла бы получить Македонию, значительную часть Сербии и, не споря с союзной Турцией из-за Западной Фракии, закрепить за собой порт Кавалу на Эгейском море. Но если страны блока проигрывали войну, Болгария должна была распрощаться с надеждой на включение в свои границы Македонии. Оно грозило русской оккупацией Варны и Бургаса и резким усилением зависимости Болгарии от России. На первый взгляд, выгодным мог оказаться союз с Антантой: при её победе в войне Болгария могла бы получить значительную часть Македонии (не исключено – с Салониками, Сересом и Драмой), а Румыния отдала бы болгарам Северную Добруджу. Однако при неуспехе данного военного блока, Турция, наверняка, завладела бы Западной Фракией, а Румыния прирезала бы себе новый кусок Северной Болгарии¹.

В конечном итоге, после долгого выжидания, Болгария посчитала, что победителем в войне станет блок Центральных держав, и решила к нему присоединиться, оказавшись тем самым в стане противников России. При этом тасовавший в канун Первой мировой войны военно-политическую «колоду» стран и блоков болгарский военный атташе в Константинополе в одной из своих депеш начальнику Штаба болгарской армии писал следующее: «Самым благоприятным для нас будет положение, если мы будем вместе с Румынией и вместе Россией...». И одновременно отмечал: «При нашем выступлении против России, следует принимать во внимание всем нам известное соображение чисто морального естества – глубоко укоренившееся чувство признательности к России в душе нашего народа, чувство, которое, несмотря на всяческие пакости, чинимые русской дипломатией, осталось почти непоколебимым»².

Однако болгарская правящая верхушка решила пойти на сближение с турками: 6 августа 1914 г. правительство заключило с Турцией «Договор о союзе и дружбе», который предусматривал оказание военной союзнической помощи, немедленное объявление войны и начало военных действий всеми силами и средствами против одной или нескольких балканских стран, со-

вершивших нападение на союзника. При этом, остерегаясь уже отведенного румынского удара в спину, Болгария в параграфе 5-м договора особо оговаривала, что военные действия против балканских держав она начнет только в том случае, если ей удастся добиться самой или через турецкое посредство соглашения о нейтралитете Румынии³.

Румыния оказалась втянутой в Первую мировую войну, соблазнившись перспективой присоединения к себе земель Трансильвании. Она заключила тайное военное соглашение с Россией о взаимной поддержке еще в июне 1914 г.⁴, и через два года, после некоторых колебаний, 27 августа 1916 г., объявила Австро-Венгрии войну. В ответ, спустя четыре дня, она получила объявление войны со стороны австро-венгерских союзников Германии – Турции и Болгарии. Румыния надеялась на относительно легкий успех: она могла поставить под ружьё 600 тыс. человек и для начала сформировала 250-тысячную армию, состоящую из 23-х пехотных и 2-х кавалерийских дивизий. Правда, их личный состав имел слабую военную подготовку, а артиллерия была устаревшей. Россия не могла в то время оказать существенную военную поддержку Румынии, потому что была обескровлена после знаменитого Брусиловского прорыва под Луцком. Он продолжался с 4 июня по 27 октября 1916 г. и привел к временному успеху, но потери русских войск составили при этом, по последним данным, более 1,6 млн. человек⁵.

В целом Добруджанский театр военных действий был второстепенным по сравнению с остальными. Антанта отклонила сценарий, согласно которому сильная русская армия во взаимодействии с румынами наносит сильный удар в Трансильвании и Добрудже, создавая серьезную угрозу положению Центральных держав на востоке. В Трансильвании Румынии предстояло действовать своими силами в направлении Будапешта. Прикрытие её Добруджи и протяженной границы с Болгарией по Дунаю было возложено на самую слабую по составу 3-ю румынскую армию, сформированную из 6 второочередных дивизий. В помощь ей был послан относительно небольшой русский 47-й корпус под командованием генерала А.М. Зайончковского⁶. Россия сделала это по настоятельной просьбе Румынии, надеясь, что болгары не станут биться со своими русскими «братушками». С этой целью были изготовлены русские листовки, призывавшие болгарских солдат не поднимать против «братушек» оружия. Но данный расчет не оправдался: долг перед находящейся в опасности родиной заставил болгар на время подавить в своих сердцах чувство признательности к русским освободителям. Можно также добавить, что в Добрудже на стороне сил Антанты действовала Сербскохорватская добровольческая дивизия, сформированная из сербов и хорватов, не желавших служить в австро-венгерской армии.

Что же касается Центральных держав, то для них Румынский фронт был единственным направлением для успешного наступления. При его успехе можно было завладеть богатыми хлебом и нефтью румынскими провинциями и предотвратить возможные одновременные удары сил Антанты со стороны Салоник и Румынии. Для наступления на Румынском фронте Гиденбург создал три сильные группировки войск, одна из которых была нацелена на Добруджу: группа генерала Августа фон Макензена, состоявшая из 9-ти пехотных и 2-х кавалерийских германско-болгарско-турецких дивизий. Ее численность последовательно нарастала в течение октября 1916 г. по мере усиления натиска на противника. В результате операция в Добрудже завершилась победой Центральных держав: к 27 октября группа Макензена оттеснила румынские и русские войска к северу от железной дороги Черноводы-Констанца.

Болгарские части в северо-восточной Болгарии находились под командованием генерал-лейтенанта Стефана Тошева. Они включали 2 пехотные дивизии – I Софийскую и IV Преславскую, одну кавалерийскую дивизию, 2-ю пехотную бригаду VI Бдинской дивизии и гарнизоны в Варне (Варненский подвижный резерв) и Русе (Дунайский отряд)⁷. Перед болгарскими войсками в этом регионе были поставлены четкие задачи: а) овладеть хорошо укрепленными Тутраканской и Силистринской крепостями; б) во взаимодействии с турками отбить у румын болгарские города Добрич, Балчик и Каварну, которые вместе со всей Южной Добруджей в 1913 г. по Санкт-Петербургскому и Бухарестскому договорам отошли Румынии; в) во взаимодействии с турками вернуть Болгарии не только Южную Добруджу, но и отвоевать вместе с турками и немцами у румын Северную Добруджу, выйдя к устью Дуная.

Помимо болгарских войск, сюда прибыли и турецкие войска. Болгарские власти воздерживались от обращения с просьбой об отправке турецких дивизий на Добруджанский фронт непосредственно к Турции, опасаясь, что та впоследствии потребует за это территориальные компенсации. Поэтому болгары стремились вести переговоры через германское посредство и, во избежание возможных неприятностей в будущем, уменьшили число предложенных турецких дивизий с шести до двух. На Добруджанский фронт был отправлен VI армейский корпус турок под командованием Хилми-паши, который состоял из 15-й Смирненской и 25-ой Галипольской дивизий. Общая их численность составляла 20 тыс. солдат и офицеров⁸. Любопытен тот факт, что в болгарских частях имелось немало турок, призванных на службу из Добруджи, а в турецких – не меньше болгар, мобилизованных турками во Фракии. Болгарская сторона оказывала туркам военную по-

мощь, предоставив им 400 лошадей для 15-й дивизии и 1500 для 50-й, а также 15000 шрапнельных и бризантных снарядов для горных орудий⁹.

Болгары довольно быстро справились с первой, поставленной перед ними, задачей. Тутраканская крепость пала после трехдневной осады, хотя противник превосходил по численности болгар в 1,2 раза, по артиллерии почти в 2 раза. В плен попало более 28 тыс. румынских солдат, сержантов и офицеров, плюс было захвачено 120 орудий¹⁰. Вторая сильно укрепленная крепость – Силистринская, – пала, практически не оказав сопротивления: её деморализованный румынский гарнизон бежал при приближении болгарских войск.

Более или менее серьезные бои развернулись под Добричем 5-7 сентября 1916 г. Генерал А.М. Зайончковский отдал приказ генералу Павлову отбить Добрич у болгар, взаимодействуя с 4-й румынской дивизией. В Добриче ночевали болгарские батальоны 35-го полка Бдинской дивизии, а один из батальонов 36-го Козлодуйского полка находился в заслоне. Атака русской конницы, наступавшей со стороны Паскалево, сорвалась по чистой случайности: кавалеристы приняли облака пыли, поднятые двумя перемещавшимися болгарскими батареями, за неприятельские эскадроны. Они помчались к ним, а болгары остановились, развернули орудия и встретили атакующих шрапнелью. А рота Варненского полка пропустила всадников и проводила их залпами в спины. Все видимое пространство на 200 и 800 метров было усеяно трупами коней и русских кавалеристов¹¹.

6 сентября атака на Добрич была предпринята силами 19-й румынской дивизии под командованием генерала Аргиреску и 61-й русской дивизии во главе с генералом Симанским. Последнему придавалась Сербскохорватская добровольческая дивизия и 1-я бригада 3-й кавалерийской дивизии с командиром Павловым. Наступавшие располагали 46-ю батальонами, 17-ю батареями и 19-ю эскадронами. Атака предпринималась по фронту шириной 2 км с центром по шоссе Добрич – Паскалево до села Геленджик. Здесь дислоцировался 2-й батальон Приморского полка и 1-й батальон 48-го Варненского полка под командованием полковника Т. Габарева. Бои шли с переменным успехом. Наступавшим противостояли 3 батальона полковника Ламбринова, 75-й турецкий полк, дислоцировавшийся у земледельческой школы к северо-западу от Добрича, и маневренная группа подполковника Таслакова. Жаркие бои развернулись у Девнинской могилы, где подполковник Христов в сгущающихся сумерках поднял солдат в штыковую атаку. Русские ответили ураганным огнём, но, тем не менее, отступили, а их резерв принял их за болгар и встретил стрельбой. В тот день погибло 14 болгарских офицеров и около 650 болгарских солдат. Потери русских были

тоже велики. Только в серединной части фронта было погребено 600 русских солдат¹².

На следующий день, 7 сентября, главный русский удар встречал полковник Вапцаров с Врачанским полком. Другой болгарский, 36-ой Козлодуйский, полк едва не потерпел полный разгром. Он столкнулся с наступавшими русскими и принял их за врачанцев, за что жестоко поплатился. Во фланг ему ударили сербскохорватские добровольцы и вывели из строя до трети его личного состава. Положение спасла кавалерийская дивизия генерала Ивана Колева, который, узнав о критической ситуации, не дожидаясь приказа из штаба армии, устремился на выручку козлодуйцам. Болгарских кавалеристов перебросили поездом вместе с приданным ей Ловчанским полком. Им удалось опрокинуть сербскохорватских добровольцев близ села Голямо Чамурлий (Смолница). Если бы этого не случилось, над Варной могла нависнуть серьёзная угроза с возможной высадкой русского десанта¹³. Это был последний яркий эпизод, касающийся вооруженного столкновения болгар и русских в Добрудже осенью 1916 г.

Но помимо фактической стороны дела, кроме сдержанного перечня военных событий данного хронологического отрезка Первой мировой войны, есть ещё и сторона эмоциональная, которая отражает массовые умонастроения, чувства и эмоции народов – участников глобальной бойни. Они часто более интересны, чем простое перечисление сухих исторических фактов. Военные действия осенью 1916 г. в Добрудже содержат в себе множество шокирующих моментов, выглядящих и сегодня просто невероятными. Отношение болгар к тем, на кого они смотрели в прорезь оружейных прицелов, было различным. С румынами, к которым у болгар имелись давние исторические счеты, кажется, всё было ясно. Во время освободительной русско-турецкой войны 1877–1878 гг., они пришли в Болгарию вроде бы как освободители. Но взяв вместе с русскими войсками турецкую крепость Плевну, они повели себя по отношению к болгарам как-то странно. Румыны начали относиться к ним, как к населению побежденной страны: грабили дома болгар (хотя те рисовали на дверях крестики, предупреждавшие, что здесь живут христиане), насиловали болгарских женщин, отвешивали оплеухи встречным болгарам на улицах, завели манеру кутить в трактирах, не платя денег, угоняли за Дунай гурты скота и, подобно ему, болгарское население – на принудительные работы в Румынию. Об этом в своих репортажах из Болгарии писал русский писатель Вас.И. Немирович-Данченко¹⁴. Добавим также, что русское командование выдворило румынских союзников за недостойное поведение из нескольких болгарских городов¹⁵. Исторической несправедливостью болгары считали и то, что в качестве вознаграждения за участие в войне 1877–1878 гг. Румыния получила Северную Доб-

руджу, в которой преобладало болгарское население. После Балканских войн исторический счет болгар к Румынии еще более возрос: в 1913 г. румыны нанесли Болгарии удар в спину, устремившись к незащищенной Софии, когда болгары сражались на других фронтах против турок и бывших балканских союзников. Счет к румынам начал стремительно расти и в Первую мировую войну, потому что при освобождении Добрича болгарские солдаты обнаружили в окрестном с. Баладжа (Стожер) 50 мертвых тел болгарских женщин и детей, в буквальном смысле растерзанных пехотинцами 40-го румынского полка. Радость и ликование жителей Добрича, восторженно встречавших своих освободителей, вскоре омрачила печальная весть: на окраине города в пекарнях были найдены изуверски обезображенные тела 53-х горожан. Пол, стены и дворы помещений были сплошь забрызганы кровью. Трагическая участь ждала и 300 других, взятых под стражу добричан. Их спас внезапный удар болгарских войск и поспешное бегство румын из города¹⁶.

Насилия над болгарскими в Добрудже румыны стали практиковать еще до войны. Они начали с приказа властей о составлении в каждой общине списка наиболее образованных, уважаемых и богатых болгар, среди которых на первом месте значились учителя и священники. Затем, за две недели до объявления войны, румыны выслали из Южной Добруджи 17518 болгар – мужчин, женщин и детей¹⁷. Румынские солдаты заталкивали их в теплушки прикладами с руганью, тычками и оплеухами. Около 200 болгарок были высажены в местности Молмезон и расстреляны. Всех не служивших в армии болгарских мужчин из Тутракана, Силистры, Добрича, Балчика и Каварны румыны вывезли якобы для обучения в г. Калараш, где держали взаперти трое суток. Заключенным не давали воды и хлеба, стреляя в каждого, кто осмеливался попросить воды или разрешения выйти наружу для отправления физиологических нужд¹⁸. В Бухаресте водили по улицам 20 пленных болгар и турок, подвергавшихся глумлению со стороны толпы румын. То же самое имело место и в Галаце, где собрали 8000 эвакуируемых мирных болгар и турок. Румынские офицеры, солдаты и горожане заплевывали им лица, кидали в них камни и стекла, грозили утопить в Дунае или расстрелять. Когда в этом городе вспыхнула эпидемия холеры, 7000 болгар оправили в теплушках в Яссы. Они ехали в окружении разлагающихся трупов: мертвых запрещено было погребать – всех должны были сдать в пункте назначения по списку. В местности Данжаны, где были размещены болгарские интернированные, вспыхнул сыпной тиф, унося в день жизни 50-60 человек. К августу 1917 г. из 6000 болгар выжило только 600 человек. Болгарским священникам выдирали бороды, брили наголо, срывали с них рясы, оставляя только в исподнем, и принуждали молиться за разбойников.

Ненависть к оккупантам выливалась у болгарских солдат в желание отплатить им за злодеяния, она воодушевляла их на подвиги. Поэтому болгарский натиск был стремителен и неустойчив и так быстро были взяты крепости Тутракан и Силистра.

Но настоящий шок вызвало у болгар появление на родной земле вместе с насильниками-румынами русских войск. Во имя защиты собственных рубежей болгарам теперь приходилось поднять оружие против русских братьев-освободителей! Этот шок и противоречивые чувства болгар в связи со сложившейся ситуацией нашли свое отражение в болгарской литературе – в произведениях И. Вазова, А. Страшимирова, Й. Йовкова, Л. Бобевского и других болгарских прозаиков и поэтов. К их анализу мы обратимся чуть позднее, а пока скажем, что шок имел место и в России уже хотя бы потому, что болгары сражались против русских и румын в Добрудже плечом к плечу с союзными турками! Причем власти Болгарии впоследствии наградили многих турецких солдат и офицеров болгарскими орденами и медалями. Сведения о взаимных наградах (и турки также щедро награждали болгар за храбрость, проявленную в боях с румынами и русскими) издавна хранились в Тырновском Центральном военном архиве¹⁹, равно как и документы о болгарско-турецких отношениях периода Первой мировой войны. Их не оглашали и не публиковали по причине идеологической «стыдливости», их нелогичности или даже абсурдности с точки зрения развития истории и строительства отношений болгар со своими балканскими соседями и Россией. И, действительно, сколь диким кажется награждение турками в те годы наследника болгарского престола князя Бориса III, многих видных болгарских генералов, включая прославившихся в Добрудже военачальников Стефана Тошева и Тодора Кантарджиева.

Турецкими орденами и медалями было награждено много болгарских офицеров и солдат – всего около 2 тыс. человек (точнее – 1913)²⁰. Почти полусотне болгарских генералов за доблесть, проявленную в боях против румын и русских, турки повесили на грудь ордена «Меджедие», «Имтия», «Лиякат» и «Демание». Подавляющая же часть болгарских участников сражений на Северном фронте стала обладателями турецкой медали «Харбие» («За боевые заслуги»). Болгарская сторона тоже не скупилась на знаки воинских отличий для турецких союзников, наградив в 1916–1917 гг. в общей сложности 1138 турок. Турецким солдатам и низшим офицерам вручались, главным образом, болгарские медали «За храбрость». Что же касается высших турецких светских и военных сановников, то для них предназначался болгарский орден Св. Александра различных степеней. Парадоксальным было то, что медаль «За храбрость» была учреждена в Болгарии для награждения лиц, отличившихся при освобождении страны от турок в 1877–1878

гг. Внешне она напоминает русский Георгиевский крест IV степени. А на оборотной стороне ордена Св. Александра располагалась дата заключения прелиминарного Сан-Стефанского мирного договора с турками по старому стилю: «19 февраля 1878 г. Сан-Стефано»²¹. Всё это выглядело кощунственным и воспринималось как издевка истории над русской кровью, пролитой ради воскрешения болгарской государственности.

Парадоксом выглядело и то, что сквозь прорезь оружейных прицелов в Добрудже нередко глядели друг на друга знакомые между собой болгарские и русские офицеры. Дело в том, что многие офицеры болгарской армии являлись русскими воспитанниками, получив в первом десятилетии XX в. военное образование в Николаевской академии Генерального штаба в Санкт-Петербурге. Благодаря разысканиям в российских архивах удалось установить, что таковыми были, например, капитаны Бояджиев, Йонков, Попов, Бекяров, Михайлов, Таслаков, Танев, Куюмджиев, Пенев, Добрев, Софронюв, Каишев, Андреев. В целом такая идентификация вещь довольно нелегкая. Документы того времени сохранились лишь частично, а групповые фотографии курсантов с перечнем их фамилий (как, например, упомянутые выше Попов, Михайлов, Андреев) один к одному совпадают с русскими. Случаи идентификации по уточняющим припискам, наподобие тех, что оставили курсанты Бочев и Янакиев («капитан болгарской службы»), встречаются крайне редко²². Поэтому установление точного числа болгарских выпускников Николаевской академии, оказавшихся по другую сторону Добруджанского фронта против русских, весьма затруднительно.

Принадлежность курсантов этого петербургского военного учреждения к Болгарии на групповой фотографии можно установить лишь при помощи небольшой, но важной детали: отсутствию плечевого ремешка для ношения сабли (болгарам их носить не разрешалось). Независимо от этого, важна ошеломительность самого факта: по воле истории бывшие болгарские и русские однокашники вынуждены были смотреть друг на друга сквозь прорезь оружейных прицелов. Всё это выглядело просто исторически алогично: в 1877–1878 гг. русские и румынские солдаты проливали кровь, воюя с турками за воскрешение Болгарии как государства, а в 1916 г. ополчились против неё, желая урезать болгарские земли больше, чем это было сделано в Берлине. И, наоборот, турки, в прошлом многовековые угнетатели болгар, в период Первой мировой войны сражались в Добрудже вместе с бывшими рабами, словно пытаясь воплотить в реальность их мечту о сан-стефанской Болгарии.

В целом поведение Болгарии по отношению к славянскому миру вызвало у него настоящий шок. Русская общественность не могла не заметить того, что в болгарской печати появляются статьи, призывающие к

уничтожению Сербии и Румынии и разделению их земель между Болгарией и другими соседями²³. Нежелание Болгарии сочувствовать бедам славянских соседей и её прогерманская позиция в начавшейся Первой мировой войне вызывали негодование в России и осуждение её в российской прессе. Самым громким из них стала статья «Торгующим в храме» Л.Н. Андреева, написанная им 2 ноября 1914 г.²⁴. В ней писатель сравнивал Болгарию со скотиной в немецком стойле, которую её пастухи поведут на убой в то время, когда льются потоки братской крови. И если болгары, подобно всем другим, начнут гнать русских из своей страны²⁵, то им, прежде всего, нужно убрать из центра Софии бронзовую статую Царя-Освободителя Александра II. Ведь он тоже русский, создавший, правда, саму Болгарию как государство²⁶. Л.Н. Андреев уподоблял Болгарию Иуде, поскольку она продает славян за серебряники своих политических интересов. Болгария, по его словам, – страна-предатель, настоящий Змей с раздвоенным жалом. У неё славянское сердце, но немецкие мозги, она готова предьявлять старые счета и не прочь обшарить карманы сербского брата-должника. Одну руку Болгария держит ладонью кверху, а другой стискивает нож для братского горла. «Славянский мир», – писал Леонид Андреев, – стыдится и потупляет глаза, когда слышит имя «болгарин», как в честной семье, которая стыдится недостойного сочлена»²⁷.

Выступление Л.Н. Андреева не вызвало широкого отклика среди болгарских творцов в печати. И это была своего рода позиция, которую выразил прозаик Д. Кёрчев, призывая соотечественников хранить молчание в ответ на «злые и обидные слова Леонида Андреева». Потому что, по его мнению, только таким образом болгары смогут соблюсти своё достоинство перед «высокомерием, грубостью и криками разъяренного писателя»²⁸. Д. Кёрчев напоминал читателям, что во время хулы в России на Л.Н. Андреева Стоян Михайловский издал в Болгарии первый том его рассказов, демонстрируя всему миру масштабы дарования русского писателя. В статье также говорилось и о том, какой любовью Л. Андреев пользуется среди болгарской интеллигенции, ибо его портреты можно обнаружить чуть не в каждой учительской комнате сельских школ. Цена широту видения мира писателя и его приверженность к всечеловеческой свободе, Д. Кёрчев, тем не менее, призывал болгар «ценить свою землю превыше всего» и «относиться к ней как к наибольшей драгоценности по сравнению со всем великим в мире». Одновременно он выражал уверенность, что и сам болгарский народ осознает свой долг хранить родную землю как зеницу ока.

Военные столкновения в Добрудже в 1916 г. между болгарскими и русскими, как уже отмечалось, нашли своё отражение в болгарской литературе. В целом появившиеся на данную тему болгарские художественные произ-

ведения (как правило, это рассказы и стихотворения) условно можно разделить на две группы: «баталистические», то есть иллюстрирующие военные бои или отдельные их эпизоды, и морально-психологические, выражающие эмоции и чувства болгар по отношению к противнику. К числу первых можно отнести военные рассказы классика болгарской литературы Йордана Йовкова. В двух из них – «У озера Туркойа» / «При езерото Туркойа»²⁹ и «Белые эскадроны» / «Белите ескадрони» – появляются русские³⁰. В первом рассказе описываются бои, имевшие место 15–22 декабря 1916 г. при отражении болгарскими атаками казаков 3-й Донской дивизии, которая славилась тем, что обычно сметала всё на своем пути. Повествование начинается с допроса двух пленных казаков: раненого в руку хорунжего Рыбаленко – высокого, стройного, русоволосого, синеглазого, бодрого и жизнерадостного парня, и есаула Фролова, о внешности которого ничего не сообщается. По их словам, ранее оба они служили в кавалерийском полку 3-й казачьей дивизии, дислоцировавшейся в Галиции. Плен явился для них полной неожиданностью, потому что их полк во главе с командиром Жабдоровым не знал поражений. И в то раннее утро всё, казалось бы, начиналось привычно и обыденно. Сперва выдвигается разведывательный казачий дозор, затем следует русская кавалерийская атака, стрекочут болгарские пулеметы и рвякают болгарские орудия, которые тщетно пытаются сдержать несущуюся бешеным галопом казачью лаву. Рыбаленко не без самодовольства рассказывал о том, какими прекрасными наездниками являются казаки, умеющие мчаться по полю, «конские хвосты по ветру распустив». В таких случаях солдаты противника, как правило, бросают винтовки и пускаются наутёк. Не то болгары – они упали и схоронились в окопах, а когда лава пронеслась над их головами, поднялись и стали стрелять вдогонку, разом выбив из седла до полусэкадрона. Среди них самих же пострадал один-единственный солдат, придавленный свалившимся конём Рыбаленко. Болгары, по его словам, «настоящие молодцы», а о болгарских кавалеристах у русских ходят целые легенды: «ну, просто черты на небольших лошадках».

Во втором произведении – «Белые эскадроны» – действие происходит в палате лазарета, где лежит раненый болгарский подпоручик, рассказывающий, как он оказался на волосок от смерти. Раненый вспоминал о внезапно раздавшемся пении горнов, возвещавших начало атаки, о неожиданно появившейся русской пехоте в серых шинелях, о перенесении в то место огня и вырастающих, словно грибы, разрывах снарядов. В его памяти всплывала картина эскадрона, притаившегося у подножья холма под характерным названием Могила, – все кони белые, в желтых супонях с коричневыми подпругами, сверкающими глазами и вытянутыми вперед ушами – состояние внешнего спокойствия, а на самом деле страшного напряжения.

Затем в его сознании возникали выхваченные сабли, блистающие на солнце, будто серебряные змеи, и страшное, с вызовом, оглушительное «У-р-р-а-а!», за которым последовал жаркий бой в кукурузе. В целом рассказ импрессионистичен, и описание в нём последующих событий носит несколько абстрактно обобщенный характер. Действие в нём можно отнести к любой стране, его герои не имеют четко выраженной местной национальной или этнографической привязки к действительности.

Более близким к реальности войны видится рассказ болгарского писателя В. Димова «Сквозь цепи русских солдат» / «Между руските вериги»³¹, который содержит ряд бытовых примет военной действительности и представляет собой описание неординарной ситуации, которыми обычно богата каждая война. Болгарский рядовой Пею Йотов был контужен взрывом гранаты и, очнувшись, обнаружил себя, вроде бы, среди своих. Но когда более тщательно пригляделся, то смекнул, что солдаты-то – русские! Форма вроде бы одна и та же – сапоги, шинели и фуражки у болгар и русских абсолютно одинаковые, а вот ранцы-то – совсем другие! Русские солдаты двигались вперед, а болгары отступали и виднелись где-то вдалеке внизу. Пею дополз до раненого, а тот оказался русским и стал костерить его на чём свет стоит: «сукин сын», «подлец», «явился биться с братушками». А другой русский солдат пальнул в него пару раз из винтовки, и тогда Пею, не дожидаясь третьего, более меткого, выстрела, стреканул по кукурузному полю по направлению к своим. Петляя, как заяц, он сумел промчатся сквозь редкую цепь наступающих русских солдат и благополучно воссоединиться с родной 4-й ротой. Причем его не только не наказали, а выдали ему новую винтовку, шинель и ранец взамен брошенных и даже объявили благодарность за то, что он указал на слабое место русских на фланге.

Баталистическими можно назвать и военные рассказы писателя А. Страшимирова из сборника «Красные страницы». Мы не останавливаемся на них подробно, поскольку они были проанализированы в другой нашей работе³². Можно лишь вспомнить здесь о некоторых преувеличениях А. Страшимирова по поводу численности находящихся под Добричем русских войск³³. Аналогичным образом писатель сгустил краски и в очерке «Кровавый порог» / «Кървав праг», опубликованном в газете «Отечество» в декабре 1916 г.³⁴ События вокруг Добрича в нём драматизируются и, одновременно, героизируются. По словам писателя, «судьба Добрича висела на волоске»³⁵, потому что выбившие румын из города болгары, преследуя противника, столкнулись лоб в лоб «с несколькими русскими пехотными и кавалерийскими дивизиями» (sic!pl!) На самом же деле, там находилось несколько русских полков. Далее, однако, писатель возвращается к реальным фактам военной истории, говоря, что угрожающее положение болгар в Доб-

риче было преодолено 7-го сентября после того, как туда срочно перебросили поездом болгарскую кавалерийскую дивизию и приданный ей Ловчанский пехотный полк.

«Баталистические» рассказы обладают определенной художественной и исторической ценностью и по-прежнему продолжают волновать читателя. Но наибольший интерес у него вызывают стихи и проза болгарских авторов, воссоздающие тот эмоциональный фон, которым сопровождалось вооруженное столкновение болгар и русских на добруджанской земле в 1916 г. Они передают атмосферу массовых умонастроений, свидетельствуют о временном пересмотре характера взаимных отношений между двумя народами и странами. В них можно обнаружить новые нравственные и этические императивы, движение мысли и смятение душ болгар и русских, которые неожиданно по злой воле политиков и правителей были превращены во врагов. Хотя Д. Кёрчев и призывал соотечественников не отвечать на злые и обидные слова Л. Андреева, молчание болгарских писателей иногда нарушалось, находя косвенный отклик в их произведениях. У того же А. Страшимирова в рассказе «На Северный фронт», едущий в Добруджу молодой призывник с жаром говорит собеседнику следующее: «К счастью, здесь еще не было русских, а то бы я резал их, правду вам говорю. Если бы мне сам Леонид Андреев попался, я бы и его сразил с полной непримиримостью»³⁶. Это отдельная, не играющая большой роли для контекста рассказа, фраза говорит о том, настолько глубоко запали болгарам в душу осуждающие слова Л. Андреева.

Своеобразный ответ на слова Л. Андреева заключается и в стихотворении патриарха болгарской литературы И. Вазова «Иуда ли?»³⁷. Убеденный русофил, автор хрестоматийных стихотворений «Здравствуйте, братушки», «Грянули винтовки», «Россия» и др., он испытывает страшную горечь от того, что болгарам приходится поднимать оружие против своих русских освободителей. Любовь к России в его сердце, как и в сердцах большинства болгар, ещё жива, но она подверглась страшному испытанию. Он скорбит, что русские не стали в той войне союзниками болгар, а воюют на стороне румын, будто желая «защитить вора от обворованного». В стихотворении «Союзники» он предполагает, что и русские испытывают чувство недоумения от творящегося абсурда и того, что им приходится воевать против болгар. А в написанном в ноябре 1916 г. стихотворении «Тайна»³⁸ русский солдат из Тулы, случайно столкнувшись в корчме с болгарским бойцом из г. Кулы, растерянно вопрошает его, как случилось такое, что им нужно поднимать оружие друг на друга. Для него это большая загадка, чем причина рыбьей немоты или лая собаки, которая пытается у всех выпросить, а где же находится рай. Она сродни загадке несовершенства мира и тому, отчего в России один сыт – дру-

гой голоден, один бос – другой обут, один шьёт – другой порет. И так и не разгадав главную загадку о причине братской бойни, русский солдат поднимает «наздравицу» за болгарского брата.

Одно из ключевых вазовских стихотворений того времени носит название «Русским воинам»³⁹. В нём поэт недоумевает, каким образом на балканской земле русские воины оказались в качестве незваных и не дорогих сердцу гостей. Он пишет, что болгары готовы были встретить их с букетами цветов и со слезами радости на глазах, но те пришли взвинченные, с озлобленными лицами. И. Вазов поражается тому, что, свергнув одно ненавистное для болгар иго, русские несут им теперь иго новое. По его словам, у болгар нет чувства ненависти к России – любовь к русским ещё не угасла. Но во сто крат сильнее у болгар любовь к своей свободе, и за неё они будут сражаться не только с врагами, но и с кумирами. И такой же свободы поэт желает и русским воинам.

Своеобразным откликом на выступление Л. Андреева и приход русских солдат в Добруджу стало стихотворение «Детоубийцам» добруджанского поэта Любмира Бобевского⁴⁰. Указанное название адресовано России и русским, которые выступают в произведении как детоубийцы, поскольку они готовы умертвить свое собственное дитя – порожденную ими Болгарию. Они готовы развеять у болгар сан-стефанские грёзы, которые сами же и распалили. По мысли поэта, русские пришли ныне на болгарскую землю не ради преклонения коленей перед прахом своих собратьев – павших освободителей и не ради выражения своего восторга перед их подвигами на Шипке, Шейново и под Плевной. И, конечно же, не ради того, чтобы отдать почести Царю-Освободителю Александру II, поскольку нет у них в руках ни ладана, ни мира, ни елдя, ни хоругвей. Так же как нет среди них и певчих, хоть храм во славу русского подвига уже давно уже готов⁴¹. В руках у них винтовки и гранаты, в обозах – пулемёты, пушки, и стали вдруг врагами недавние «братушки» в союзе с ненавистными врагами. «Не братья мы – враги мы, – восклицает далее поэт, – и каждый будет биться с иудами, как вы». В заключение Л. Бобевский проводит мысль о том, что любой посягнувший на болгарский народ, его храм и сладкую свободу, «будет разгромлен и покрыт вечным позором». Особенно остро Л. Бобевский переживал тот факт, что значительная часть его «малой» родины – Северная Добруджа находится в руках румын. А теперь они пришли вместе с русскими, чтобы завладеть в придачу и закрепить навечно за румынами Добруджу Южную. Для поэта Добруджа неделима: и южная, и северная её части есть одно целое, которое по праву должно принадлежать болгарам. Л. Бобевский создал высоко поэтический гимн «О, Добруджанский край!», вызывавший у болгарских солдат

прилив патриотических чувств, – обычно они шли в атаку на врага со словами гимна на устах.

Стихи Л. Бобевского очень часто резки и воинственны, особенно много в них достается румынам, для которых автор не жалеет оскорблений и угроз. Верная оценка творчества Л. Бобевского и его выпадов против Румынии и румын присутствует в статье болгарской исследовательницы М. Цаневой⁴². Мы не станем её здесь приводить, поскольку она уводит нас в сторону от основной темы. Что же касается характера болгарско-русских народных отношений того времени, то наиболее точно, на наш взгляд, он отражен в Записке болгарского священника Атанаса Маджарова. Он составил её, когда служил капелланом 48-го пехотного полка, написав чуть более 50-ти рукописных страниц воспоминаний. Эта рукописная Записка хранится ныне в Варненском окружном архиве⁴³ и рассказывает о русских пленных и отношении к ним болгар. Священник сообщал, что русских пленных было много и все они «веселые, смеющиеся, довольные». Их поведение он объяснял тем, что эта странная война для них окончилась, и они перестали быть невольными врагами болгарских «братушек». Ведь и у тех самих по отношению к пленным – «никакой ненависти!». По словам А. Маджарова, болгары делились с русскими всем съестным, что имелось в их ранцах и торбах с сухарями. «Вот и попробуй понять славянскую душу!» – восклицает автор напоследок.

Первая мировая война стала для болгар настоящей трагедией. Царь Фердинанд I в своем честолюбивом стремлении создать великую Болгарию, омываемую тремя морями – Черным, Эгейским и Адриатическим, прекрасно понимал, что поражение может стоить ему трона и жизни, тем не менее, он вверг свою страну и болгарский народ в кровавую мясорубку. Его авантюра стоила болгарам 88 тыс. убитых и около 150 тыс. раненых, многие из которых стали калеками. Потери Болгарии в период с 1916 по 1918 гг. многократно превышали людской и материальный ущерб, нанесенный ей во всех предшествующих войнах после освобождения 1878 г. Страна понесла такие большие жертвы, поскольку Германия не исполнила договоренностей о более активном участии союзников на Балканском фронте. Кроме того, она грабила Болгарию, вывозя из неё продовольствие и материалы. То же самое происходило и в Добрудже с Македонией, хотя вывоз сырья и продовольствия из них запрещался специальными соглашениями. Сюда следует также добавить государственные займы Болгарии в германских банках на ведение войны и неизбежную инфляцию, сопровождавшуюся обнищанием болгарского населения. Военный союз с Германией стоил болгарам во время войны в общей сложности около 2 млрд. золотых левов⁴⁴. И все эти жертвы оказались напрасными., поскольку союзные Германия, Австро-Венгрия и

Турция и не собирались передавать болгарам Северную Добруджу. На оккупированных северных добруджанских землях не была создана болгарская администрация – ими управляли совместно все четыре союзника. При этом местных болгар принуждали записывать себя румынами, а турки вынашивали свои планы в отношении Добруджи Южной и пытались настроить тамошнее турецкое население против болгар.

Существенными оказались после поражения блока Центральных держав и территориальные потери Болгарии. Согласно положениям Нейского договора, на северо-западе Болгария должна была отдать отбитые у румын болгарские земли. Румынская граница вновь сместилась в Южную Добруджу, города Добрич, Тутракан и Силистра, где пролилось много людской крови, включая и болгарскую, отошли Румынии; помимо них, ей достались болгарские черноморские порты Каварна и Балчик. В соответствии с договором, почти сорок лет болгары должны были выплачивать победителям огромные репарации в сумме 2 млрд. 250 млн. золотых франков. Для Болгарии всё это было настоящей национальной катастрофой. Один из главных её виновников, царь Фердинанд I, 3 октября 1918 г. был вынужден отречься от престола в пользу своего малолетнего сына Бориса III и покинуть страну. Чуть позже, в ноябре того же года, ушло в отставку и болгарское правительство Александра Малинова – Стояна Костуркова, продержавшееся у власти менее шести месяцев.

Надо сказать, что выступление Болгарии на стороне Германии и Австро-Венгрии и Турции против России и ведение боевых действий непосредственно с русскими войсками вызвало массовое недовольство болгар. В некоторых частях страны вспыхивали бунты, против военного союза Болгарии с блоком Центральных держав выступали партия БЗНС (Болгарский земледельческий народный союз) и партия «тесных» социалистов БРСДП (Болгарская рабочая социал-демократическая партия «тесняков»). В 1918 г. в стране стала складываться революционная обстановка, вспыхивали подавляемые правительством солдатские восстания. В целом процесс выхода Болгарии из Первой мировой был затяжным и нелегким. Мирный договор с Россией Болгария заключила 3 марта 1918 г. в Брест-Литовске, и это было встречено в стране с облегчением.

Ещё со времен Первой мировой войны большевики России, социалисты Болгарии, а затем и коммунисты обеих стран, основными зачинщиками и виновниками Первой мировой бойни стали называть капиталистов и империалистов. Тем не менее, неприятный осадок при воспоминаниях о военном столкновении болгар с русскими осенью 1916 г. полностью не исчез. Он может расти от непродуманных (или провокационных) действий властей. К счастью, в России считанные единицы знают или помнят о Добруд-

жанской эпопее 1916 г. – где только не пришлось воевать русскому солдату за многовековую российскую историю! Несколькo иначе обстоит дело у болгар: для них это борьба за составные части своей родины, это страницы летописи о временной утрате этих частей и их последующем обретении. Во Вторую мировую войну за несколько месяцев до того, как Болгария стала союзницей фашистской Германии и её сателлитов, Румыния осенью 1940 г. передала ей Южную Добруджу с городами Тутракан, Силистра, Каварна, Балчик и Добрич. Почти сразу же у добричан возникла идея увековечить память об обороне города и победных боях в его окрестностях в 1916 г. Около двух лет спустя, 14 мая 1942 г., учителя и учащиеся гимназии им. царя Бориса III установили в 4-х км к северу от Добрича на Девнинской могиле большой памятный Крест в честь павших 5-7 сентября 1916 г. Его воздвигли в том месте, где находился наблюдательный пункт генерала Т. Кантарджиева. 8 сентября 1944 г., в самый канун вступления Красной армии в Болгарию, памятный Крест был уничтожен, но в 1999 г., после крушения тоталитаризма в стране, воспитанники упомянутой гимназии восстановили памятник⁴⁵.

Зародилась также идея создать памятнику генералу И. Колеву на его любимом коне Пирин, и был организован сбор средств на её осуществление. К середине 1943 г. было собрано 350 тыс. левов – сумма вполне достаточная для реализации замысла, но близившееся вступление Красной армии в Болгарию в 1944 г. сорвало планы энтузиастов.

Лучшим памятником событиям того времени и по замыслу, и по его воплощению, очевидно, следует считать мемориальный комплекс, открытый 7 декабря 1974 г. в местности «Ярмарка». Он был воздвигнут там, где 5 сентября 1916 г. были захоронены тела 600 павших болгарских и иноземных солдат. Позднее неподалеку появилось кладбище русских, румынских и сербских военнослужащих. Мемориальный комплекс с музейной экспозицией и памятником генералу С. Кантарджиеву возник по проекту Х. Ямантчиева с участием скульптора Н. Фетваджиева и художника А. Радославова. Идея комплекса хороша тем, что она носит интернациональный характер: посетителей как бы призывают поклониться праху всех павших независимо от их национальности. Ведь Молох войны не знает разницы между правыми и неправыми.

Можно также добавить, что дань памяти погибших и оставшихся в живых известных участников Добруджанской эпопеи отразилась в переименовании многих сел северо-восточной Болгарии, носивших прежде турецкие названия. Они теперь носят имена сражавшихся здесь в 1916 г. болгарских полков и военачальников: Чакырча – Врачанцы, Гёкче дюлюк – Бдинцы, Кара курт – Приморцы, Чаир Харма – Генерал Колево, Чауш-кёй – Генерал

Кантарджиево, Гекленджик – Победа, Сточук – Рильцы. Появились также такие названия сел, как Генерал Тошево, Полковник Минково, Полковник Савово, Полковник Чолаково и другие⁴⁶.

В заключение скажем, что данная непростая тема о военном столкновении болгар и русских в 1916 г. возникла не случайно. Об этом нужно знать каждому русскому, проявляющему интерес к Болгарии. В противном случае он может легко стать объектом для манипуляций со стороны болгарских русофобов или тех, кто, используя незнание исторических фактов большинством русских и болгар, стремятся испортить отношения между двумя народами.

Примечания

¹ Българо-турските военни отношения през Първата световна война (1914 – 1918). Сборник от документи. Съст. М. Куманов, И. Коев, К. Еюп. София, 2004. С 22.

² Там же. С. 23.

³ Там же. С. 27.

⁴ См. заметку в газете «Утро России» от 5 июня 1914 г., (с. 3), в которой помещена информация о приёме российским императором Николаем II румынского министра-президента Братиану и подписании российско-румынского соглашения.

⁵ Мировые войны XX века. Кн. 1. Первая мировая война. Исторический очерк / Под ред. Г.Д. Шкундина. М., 2002. С. 186.

⁶ *Зайончковский А.* Мировая война 1914 – 1918 гг. Т. 2. Кампания 1916 – 1918. М., 1938. С. 88-89.

⁷ Добричката епопея 1916. Историко-библиографски справочник. Добрич, 2006. С. 7, 56.

⁸ Българската армия в световната война 1915 – 1918. Т. VIII. С. 282-283.

⁹ Българо-турските военни отношения през Първата световна война (1914 – 1918). С. 64-65, 114.

¹⁰ *Бойчев П.* Тутраканската епопея. Тутракан, 2003. С. 143; Българската армия в световната война 1915 – 1918. Т. VIII. Война срещу Ромъния през 1916 година. Подготовка на войната и Тутраканската операция. София, 1939. С. 677.

¹¹ *Стефанов С.* Генерал-лейтенант Тодор Кантарджиев. Спасителят на Добрич. София, 2006. 138, 141.

¹² Българската армия в световната война 1915 – 1918. Т. VIII. С. 727.

¹³ Там же. С.282; Добричката епопея 1916. С. 14-15.

¹⁴ *Немирович-Данченко В.И.* Год войны. Дневник русского корреспондента. 1877 – 1878, Т. I. СПб., 1879. С. 33-36, 252-253.

¹⁵ Там же.

¹⁶ *Тошев С.* Действия на Третата армия в Добруджа през 1916 година. София, 2007. С. 39-40.

- ¹⁷ *Пачов Д., Кацев Д.* Ромънските жестокости над отвлеченото добруджанско население в Молдова. София, 1918. С. 7.
- ¹⁸ Там же. С. 10, 11, 18, 20-22, 26.
- ¹⁹ Българо-турските военни отношения през Първата световна война (1914 – 1918). С. 7.
- ²⁰ Там же. С. 516-595.
- ²¹ Там же. С. 461-515; *Павлов П.* Български ордени и медали. София, 2002. С. 7, 37; См. также: *Петров Т.* Български ордени и медали. София, 1982. С. 9, 37; *Владимиров В.* Граждански ордени, медали и възпоменателни знаци в България (1880 – 1944) // Известия на българските музеи. Т. 1. София, 1969. С. 258.
- ²² *Кюркчиев Н.* Николаевската академия на Генералния щаб в Санкт-Петербург. София, 2008. С. 40, 53.
- ²³ Об этих болгарских грёзах, например, открыто заявлялось в прогерманской газете «Камбана», № 13 от 13.IX. 1916 г.
- ²⁴ Статья была опубликована в утреннем выпуске «Биржевых ведомостей» № 14470 (СПб., 1914.С. 3), а затем вновь издана в сборнике «В сей грозный час» (Пг., 1915. С. 27-31), причем всю чистую прибыль от его продажи писатель пожертвовал на нужды сербских и русских воинов.
- ²⁵ Л.Н. Андреев имел в виду тех русских переселенцев, которые остались в Болгарии после её Освобождения от турок в 1878 г.
- ²⁶ В сей грозный час. Пг., 1915. С. 28.
- ²⁷ Там же. С. 30.
- ²⁸ *Кьорчев Д.* Вместо отговор на Леонид Андреев // Димо Кьорчев. Студии, статии, есета. София, 1992. С. 496-499.
- ²⁹ *Йовков Й.* «При езерото Туркойа» // Журнал «Отечество». Кн. 17 от 29.IV. София, 1917. С. 3-6; См. также: *Йовков Й.* Събрани съчинения в шест тома. Т. 1. София, 1982. С. 332-342.
- ³⁰ *Йовков Й.* «Белите ескадрони» // Военни известия. № 237 от 28. X. София, 1916. С.2-3; см. также: *Йовков Й.* Събрани съчинения в шест тома. Т. 1. София, 1982. С. 113-118.
- ³¹ *Димов В.* «Между руските вериги» // Отечество. № 40-41. София, 31 октябрия 1916 г. С. 14.
- ³² *Калиганов И.И.* Малоизвестные страницы из «неровного» творчества Антона Страшимирова 10-х-20-х годов ХХ в. // Веков связующая нить. Вопросы истории и поэтики славянских литератур и культур. М., 2006. С. 384-385.
- ³³ Там же.
- ³⁴ Вестник «Отечество». №№ 46-47 от 15 декабря 1916 г.
- ³⁵ Там же.
- ³⁶ *Калиганов И.И.* Указ. соч. С. 384.
- ³⁷ *Вазов И.* Юда ли? // Мир. № 5024 от 5 декабря 1916 г.; см. также: *Вазов И.* Събрани съчинения в 22 тома. Т. IV. София, 1976. С. 178-179.
- ³⁸ *Вазов И.* Тайна // Мир № 5022 от 2 декабря 1916 г.; см. также: *Вазов И.* Събрани съчинения в 22 тома. Т. IV. София, 1976. С. 183-184.

³⁹ *Вазов И.* На руските воини // Мир. № 5005 от 11 ноември 1916; См. также: *Вазов И.* Събрани съчинения в 22 тома. Т. IV. София, 1976. С. 170-172.

⁴⁰ *Бобевски Л.* Под сенката на меч. 1912 – 1916. София, 1916. С. 110-111.

⁴¹ Л. Бобевский имеет в виду Храм-памятник Св. Александра Невского, построенный в центре Софии в ознаменование подвига русского народа, освободившего Болгарию от турок.

⁴² *Цанева М.* Войната в Добруджа и българската литература (непосредствени отклики) // Тутраканската епопея и освобождението на Добруджа. Тутракан, 1996. С. 209-224.

⁴³ ОДА – Варна. Ф 75 к. Оп. I. А.е. 761. Л. 20-78, 108.

⁴⁴ Даскалов Р. Българското общество. 1879 – 1939. Т. I. Държава, политика, икономика. София, 2006. С. 142.

⁴⁵ Добричката епопея 1916. Историко-библиографски справочник. С. 19.

⁴⁶ Там же. С. 211-212.